

Россия и грядущее посттрудовое общество

Структурные вызовы и возможные пути развития

© Давыдов Д. А.

© Davydov D.

**Россия и грядущее посттрудовое общество.
Структурные вызовы и возможные пути развития
Russia and becoming post-work society.
Structural challenges and possible ways of development**

Аннотация. В статье анализируются перспективы России в контексте общемировой тенденции автоматизации производства и становления прекариата как общественно-политического класса. Обосновывается необходимость своевременной реакции государства на данные тенденции. Предлагаются возможные способы социально-экономического развития в условиях становления посттрудового общества.

Annotation. The article analyzes the prospects of Russia in the context of industrial automation and precarization. The author proves the necessity of timely reaction to these trends and suggests possible ways of socio-economic development in formation of post-work society.

Ключевые слова. Безусловный доход, капитализм, коммунизм, посткапитализм, прекариат, рентное общество.

Key words. Basic income, capitalism, communism, post-capitalism, precariat, rental society.

Помимо насущных проблем, угрожающих благополучию граждан России непосредственно, вызревают новые, более фундаментальные проблемы, стоящие перед всем развитым капиталистическим миром. Трудно представить их решение в русле старой либерально-консервативной полемики.

* * *

Сегодня мы знаем как минимум об одном системном кризисе, затронувшем все сферы жизни общества, из которого страна, наиболее свободная от пережитков прошлого, вышла победителем и до сих пор доминирует во всем мире. Речь идет об относительно далеком XVIII в. — времени начала промышленной революции и бурного развития капитализма в США. Сегодня наметился еще один системный кризис, резуль-

ДАВЫДОВ Дмитрий Александрович — младший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (г. Екатеринбург), кандидат политических наук.

Статья подготовлена в рамках работы по гранту РФНФ № 15-33-11231 «Идеологические регуляторы в обеспечении общественного согласия и национальной безопасности в Российской Федерации: возможности и риски».

татом которого будет (постепенный или моментальный) крах мирового капитализма.

Капитализм порождает вопиющее неравенство и эксплуатацию, что уже отзывается эхом масштабного терроризма и неконтролируемой миграции. Данная тенденция будет только нарастать в будущем, ибо истинная причина того, что «Европа уже не будет такой, какая она была прежде», — это нищета и мракобесие, с которыми современная цивилизация справиться не в состоянии. Потребительская экономика, созданная капитализмом, держится только за счет извлечения прибавочной стоимости, т. е. разницы между миллиардными зарплатами менеджеров глобальных корпораций и уничижительной оплатой труда в Китае, Вьетнаме или Индонезии.

Капитализм уничтожает планету в буквальном смысле (речь идет о неконтролируемом загрязнении окружающей среды): 2016 г. станет самым теплым за всю историю метеонаблюдений (с 1880 г.), а 2015 и 2011 гг. предшествовали ему в этом качестве [14].

Современное общество измеряет свое благосостояние в долларах, выражающих лишь меру приближения человеческой цивилизации к гибели, которая может наступить уже в этом веке. К этому можно добавить вышедший из под контроля финансовый капитал (прячущийся к тому же в оффшорных зонах), замедлившиеся темпы экономического роста и неспособность капитализма обеспечивать развитие человеческого потенциала даже в передовых странах. Как отмечает Ф. Котлер, «во время президентства Билла Клинтона (1993—2001 гг.) уровень бедности в США составлял в среднем 11%. В 2008 г. — 13,2%. Однако потом наступил мировой экономический кризис, и к ноябрю 2012 г. уровень бедности в США поднялся до 16%» [8. С. 124].

Однако перечисленные проблемы — отнюдь не основные на сегодняшний день. Капитализм начинает переживать фундаментальный кризис, затрагивающий саму суть экономики, построенной на погоне за прибавочной стоимостью.

Основная причина грядущего упадка капитализма, на наш взгляд, — переход к интеллектуальному труду.

По своей природе он не сводится к каким-либо количественным показателям [3]. Секундное озарение может стоить миллиарды, а годы и месяцы упорных усилий — ничего. В таких условиях интеллектуальный труд становится для капиталиста трудноуловимым. Теперь выигрывает наиболее удачливый (а вовсе не трудолюбивый или расчетливый) — тот, кто сумел найти успешную идею и вовремя запатентовать ее (либо «приобрести» права на патент). Экономическая борьба сводится к погоне за рентой — приобретению исключительных прав «владения» тем или иным знанием.

Другая проблема капитализма — «летучесть» знания, его способность к практически неограниченному и бесплатному распространению. Иными словами, знание с момента своего возникновения уже является общественным достоянием. В товар или частную собственность знание

превращается путем искусственно созданных барьеров, вроде авторского права и патентов.

К проблеме так называемого когнитивного капитализма (капитализма знаний) добавляется проблема автоматизации труда [21] и прекаризации [18], являющихся двумя сторонами одной медали. Грубо говоря, перспективы экономики знаний вырисовываются лишь постольку, поскольку постепенно спадает потребность в физическом и рутинном труде.

В ближайшем будущем без работы могут остаться многие миллионы людей. Технический прогресс создает новые рабочие места, но ликвидирует их с опережающей скоростью. Как отмечает Ф. Котлер, перспективы туманны для очень многих профессий, среди которых «белые воротнички», потому что их функции в сфере бухгалтерского учета возьмут на себя компьютерные программы... Большая часть бухгалтерской работы уже... выполняется не человеком. Многие люди уже в состоянии самостоятельно подготовить юридические документы, не прибегая к услугам юристов. 3D принтеры пришли на смену... квалифицированным специалистам, которые занимались ковкой и сваркой. Мы больше не нуждаемся в... огромном количестве преподавателей старших классов и университетов, потому что ученики и студенты могут заниматься самостоятельно, изучая видеоролики в библиотеках массовых открытых онлайн-курсов» [8. С. 130] и т. д.

Данные тенденции приводят к возникновению огромной прослойки прекариата (от *англ.* precarious — ненадежный) — тех, кто в условиях глобальной мобильной экономики и сокращающейся потребности в «стационарной» рабочей силе лишается постоянной работы и социальных гарантий. Эти люди не учитываются статистикой в качестве безработных, но, как отмечает Г. Стэндинг, автор термина «прекариат», их численность постоянно растет [18]. Вместе с углубляющимся разрывом между наиболее богатыми и наиболее бедными прекаризация является признаком надвигающейся общественно-политической катастрофы.

По данным ShadowStats.com, в США, несмотря на неплохие официальные данные по безработице (около 5%), «число рабочих мест для американцев от 25 до 54 лет на 4 млн меньше, чем в декабре 2007 г. С 2009-го по 2013 г. количество рабочих мест в этой группе вообще упало на 6 млн». Более того, «по состоянию на июль 2015 года в США 27,265 млн человек работают неполный рабочий день. И 23% из них вынуждены работать так, поскольку не могут найти работу на весь день» [15].

В грядущей реальности, проблемы которой только предстоит решать, нет места ни неконтролируемому рынку, ни государству всеобщего благосостояния. Автоматизация производства приведет к тому, что миллионы людей потеряют все, в то время как сотни или даже единицы станут обладателями неисчерпаемых богатств. В феврале 2015 г. глава тайваньского подразделения Foxconn, одного из крупнейших в мире производителей электроники (на ее заводах работают около 1 млн рабочих), объявил, что через три года производство будет роботизировано на 70%. Ведется строительство полностью роботизиро-

ванного завода в Пенсильвании [2] — и это только один пример повсеместной тенденции.

В тупик заходит вся мировая экономика, выстроенная на извлечении прибавочной стоимости. Автоматизация делает излишним человеческий труд, а если верить Марксу, капитал есть именно присвоенный неоплаченный труд наемного работника. Рост ВВП уже существенно замедлился (особенно в сравнении с благоденствующими 1950—1960 гг.). Это не означает неизбежности стагнации или ухудшения качества жизни в развитых странах: речь идет о приходе в негодность старых индикаторов экономического развития — таких, как ВВП и ВНП. Как замечает А. Кустарев, «потребление и производство смещаются в сторону благ, которые мы не понимаем, как включить в ВВП, — либо не умея их оценивать в денежном эквиваленте, либо игнорируя их в силу культурно-ценностной ориентации» [10].

Отсюда вытекает ряд существенных последствий для политики. Прежде всего, постепенно теряют свою былую силу прежние способы государства наводить порядок в экономике. В будущем уже непредставима ситуация полной занятости, а налоговое перераспределение будет становиться бессильным: денег в экономике будет становиться меньше.

На этом фоне западная общественно-политическая жизнь формирует новую парадигму политического мышления, выходящую за рамки дискурса политического модерна. В этом смысле консервативные США, зацикленные на оправдании «безальтернативного» капитализма, оказываются далеко позади Европы, еще сохранившей очаги социал-демократического разнообразия.

Большая часть передового общественно-политического и академического сообщества в США (наверняка не без участия бизнеса и государства) пытается инвестировать в то, что мы называем *публичным капиталом* [5]. Это особый интеллектуальный и ценностный ресурс, дающий рефлексивность близоручному «потребительскому» капитализму (акцент на грядущих издержках от глобального потепления и т. п.), хотя эти попытки пока и характеризует чрезмерный оптимизм [16]. Для многочисленных идеологов совмещение критики капитализма с его оправданием является источником заработка и признания в рамках закостенелого консервативного мейнстрима. Для бизнеса и государства это неплохой способ вычленив из плохих сценариев катастрофические, тем самым сфокусировавшись на продлении своего могущества ценой игнорирования того, что ухудшает жизнь большей части людей, но может подождать.

В Европе же в рамках пока еще старых идеологических течений постепенно формируются новые подходы. Среди наиболее ярких — концепция *безусловного дохода* [4], уже имеющая множество сторонников. В Швейцарии даже прошел общенародный референдум по данному вопросу (предложение было отклонено, но внимание общественности привлечь удалось).

Безусловный доход — выплаты, которые предполагается получать каждому без исключения гражданину в равном размере. Они должны

прийти на смену громоздкой бюрократической системе социальной помощи, и их должно хватать на самое необходимое. Данный концепт уходит корнями в либеральную традицию с ее приоритетом индивидуальных свобод и личной инициативы. Однако по сути эта идея является прорывной, т. к. учитывает реалии посттрудового общества [23] (общества неполной занятости). Более того, данная идея несет в себе конструктивное зерно, давая интеллектуальную пищу и надежду неомарксизму: сам Маркс, как известно, предсказывал общество, в котором никто ни в чем не нуждается, а наемный труд уступает место *свободному труду*, гарантирующему творческую самореализацию личности.

Разумеется, будущим реформаторам придется действовать в разрываемой противоречиями реальности, лавируя между агрессивным доводерном, медленно умирающим модерном и приходящим ему на смену в передовых странах новым (посткапиталистическим) модерном [11].

* * *

В контексте данных тенденций наивно полагать, что Россия избежит проблем передовых стран. Конечно, дефицит рабочих кадров позволяет считать проблему технологического замещения труда не самой актуальной. На том участке, где в развитых странах при высокой производительности труда занято три работника, в России работает 10–12 человек. Наблюдается дефицит трудовых ресурсов [9].

Тем не менее дефицит рабочих рук (дешевой рабочей силы?) не означает гарантированной занятости в будущем. Здесь рыночные механизмы не работают. Сегодня люди готовы получать меньше ради получения статуса. Именно отсюда гигантский спрос на гуманитарные специальности в вузах. Иными словами, российское общество прошло стадию «профессиональной избалованности». Демократическим путем мотивировать сегодняшних менеджеров, консультантов, агентов по недвижимости и т. п. пойти работать водителем маршрутного такси, а то и сантехником или рабочим не представляется возможным.

Более того, мы недооцениваем масштабы технологического замещения труда. Россия не имеет нужного ей класса производителей — людей, которые способны в рамках несырьевой сферы обеспечивать должную долю ВВП. Грубо говоря, небольшой процент занятых в нефтегазовой отрасли обеспечивает всю страну. Это заметно и по регионам. Как отмечает Н. В. Зубаревич, «основной вклад в федеральный бюджет — почти 60 процентов — делают... четыре субъекта федерации: 28 процентов всех налогов дает Ханты-Мансийский АО, 16–18 — Москва, 10 — Ямало-Ненецкий АО, 5 процентов — Санкт-Петербург» [7].

Нефтяная рента дает возможность содержать огромную прослойку «потенциально лишних» людей. При ее исчезновении начнется массовый рост безработицы. Хотя официальная статистика пытается сделать из нас оптимистов (безработица снижается и составляет 5,8%), реального положения дел она не отражает [20]. В статистике не учитываются «теневая занятость», неполный рабочий график и т. п. В 2011 г. институт

Gallup пытался выяснить, насколько реальная безработица отличается от официальной в разных странах. Результат оказался впечатляющим: в России реальная безработица среди женщин составляла 22%, а среди мужчин — 19% [22]. Думается, сегодня ситуация существенно хуже.

Рост доли «теневого» и неполной занятости (последнее распространено в автомобильной промышленности) говорит о том, что Россия идет в ногу со временем, и роста доли прекариата нам не избежать. И речь уже не только о несостоятельности сырьевой экономики: автоматизация производства коснется нас, как и более развитых стран. Этот тренд «бьет» по российскому обществу сильнее: если Запад готов предложить альтернативу в виде зарождающейся экономики знаний, то у нас эта сфера находится в депрессивном состоянии.

Особенно остра эта проблема для моногородов, где модернизация производства оборачивается существенными сокращениями. В некоторых случаях один оператор заменяет десятки рабочих, которые либо оказываются на улице, либо довольствуются раздробленными ставками. Одно из последствий — рост прослойки социальных рантье: как замечает Зубаревич, «россияне стали более зависимыми от государства, доля пособий и пенсий в доходах населения достигла почти 19 процентов» [7].

Потребность в модернизации вступает в противоречие с потребностью в занятости. Автоматизация заметна повсеместно. В «Макдональдсах» и «Ашанах» можно встретить автоматы, заменяющие кассиров. Возникает тревожащий вопрос: каково будущее российского прекариата, если даже торговля перестает быть убежищем для выброшенных на обочину жизни людей?

Российская экономика находится в трудном положении. Существуют два подхода к борьбе с экономическим кризисом. Либералы остаются сторонниками «невидимой руки» рынка; но этот подход может сработать, лишь если российская рабочая сила станет дешевле, чем в странах третьего мира. Тогда появится возможность привлечь иностранные инвестиции (российские, ввиду дорогих кредитов, бесперспективны). Однако такой сценарий предполагает абсолютное обнищание населения, превращение страны из сырьевого придатка в придаток трудовой. Другие варианты для России глобальной экономической системой не предусмотрены: вы продаете либо сырье, либо дешевую рабочую силу.

Другой набор решений предлагается сторонниками ведущей роли государства. Несомненно, ему стоит активнее вмешиваться в экономический процесс. Однако остается неясным, куда вкладывать деньги. Модернизация старых предприятий лишь повысит безработицу, а создание новых создаст незначительное количество рабочих мест. Сегодняшний средний завод — это 100 человек персонала (если не меньше), а стоит его строительство немало. Сколько нужно таких заводов, чтобы стабилизировать социально-экономическую ситуацию хотя бы одного крупного моногорода? Добавим сюда опять же проблему относительно дорогой рабочей силы. Разумеется, модернизация жизненно важна. Однако необходимо нечто большее.

* * *

Россия сталкивается с совершенно новой экономической и социально-политической реальностью. К сожалению, правительство направляет общество не в новый модерн, а в домодерн, постоянно расставляя акценты на религиозности и патриархальности. Это большая ошибка. Российское общество должно развернуться на 180° — в сторону *институционального экспериментирования*. Только так Россия сможет выйти из мирового кризиса капиталистической системы победителем. Ведь рост безработицы и численности прекариата неизбежен даже при благоприятной экономической конъюнктуре. *Необходимо превратить сегодняшних и завтрашних безработных и «лишних людей» в социально-экономическую и политическую основу дальнейшего прогресса*. Они должны стать источником пополнения кадров в экономике знаний.

Правительство направляет общество не в новый модерн, а в домодерн, постоянно расставляя акценты на религиозности и патриархальности. Это большая ошибка. Российское общество должно развернуться на 180° — в сторону институционального экспериментирования. Только так Россия сможет выйти из мирового кризиса капиталистической системы победителем.

Конечно, о коммунистической перспективе, в которой каждый свободен заниматься чем угодно, не испытывая нужды, пока говорить не приходится. Обеспечение каждого минимальным пособием — мероприятие для страны, в моральном (и материальном) смысле готовой к этому. Эти пособия могут повлечь за собой апатию и бездеятельность. Как справедливо замечает М. А. Маяцкий, «некоторые теоретики апеллируют к “праву на счастье”, забывая, что собираются давать его в обмен на последнее алиби за жизненную неудачу, ибо тот, кто окажется неспособным конвертировать пособие в счастье, станет уже полным и патентованным ничтожеством» [12. С. 85]. Идея безусловного дохода будет реализована лишь там, где сильны традиции самоорганизации и кооперации, где пособия уйдут на развитие и самостоятельный поиск своего места в обществе. Для российского менталитета эта идея пока чужеродна.

Основное противоречие грядущего общества заключается в том, что оно будет становиться богаче, но богатства будут концентрироваться в руках все более узкого круга людей. Экономика будет производить меньше реально обеспеченных денежных знаков, как полагает А. Горц

[3], ибо стоимость товара на рынке определяется, по большей части, *человеческим трудом*, значимость и роль которого сужаются.

Сам же труд, определяющий благосостояние общества, все в большей степени становится творческим и трудноизмеримым. В итоге возможен сценарий, когда ВВП, измеряемый в денежном эквиваленте, снижается, хотя реальное материальное богатство населения растет за счет автоматизации производства и научно-технического прогресса. В этих условиях традиционный механизм налогового перераспределения будет давать сбой, а то и вовсе окажется неработоспособным. Либо денег в бюджете на удовлетворение базовых потребностей каждого не будет хватать, либо эти деньги позволят широким слоям населения приобретать то (за счет опять же научно-технического прогресса), что не способствует и даже вредит личностному развитию в условиях жесточайшей конкуренции между людьми и между людьми и машинами. Если за счет ренты от глобального доминирования США и другие развитые страны смогут позволить себе содержать миллионы рантье, прожигающих жизнь впустую, то Россия должна будет найти собственную модель развития в новых условиях.

* * *

Мы предлагаем ряд возможных решений, которые могли бы уже сегодня способствовать развитию нашей страны.

Обеспечение права каждого на материальную независимость и свободное творчество (взамен прежних пособий по безработице). Эта идея отличается от концепта безусловного дохода, который предлагается выплачивать из дополнительных средств бюджета. Это подразумевает повышение налогов, что для России опасно вдвойне, причем даже не столько в плане реализуемости (у России есть ресурсная рента [20], которую можно разделить поровну между получателями пособий), сколько в плане возможных последствий. Деньги нельзя окончательно привязать к тому или иному набору материальных благ. Они могут быть потрачены как на образование или жилье, так и на алкоголь или наркотики. Для безвозмездной раздачи денег общество должно быть готово морально.

Чем же заменить безусловный доход? Прежде всего стоило бы конвертировать налоги в реальные блага. Выплаты должны обеспечивать нуждающихся реально *необходимым* минимумом. Правда, обеспечивать необходимым набором материальных благ всех (как это предлагается сторонниками идеи безусловного дохода) нет возможности и смысла. Рентоприобретателями должны быть только безработные. Это означает, что только с помощью *работы* или *свободной творческой деятельности* человек сможет удовлетворять потребности сверх необходимого минимума.

Убрать временные ограничения в получении «материального минимума». Сегодня российское законодательство подразумевает, что период выплаты пособия по безработице не может превышать 12 месяцев в суммарном исчислении в течение 18 месяцев. Иными словами,

безработный находится в стесненных обстоятельствах вынужденного поиска работы. Эффективность данной модели в будущем будет сходиться на нет. В условиях автоматизации производства принудительное трудоустройство означает лишь то, что творческий потенциал людей будет уходить в никуда [19]. Вместо свободного саморазвития в соответствии со своими желаниями и приоритетами огромные массы людей будут принуждаться к занятию нелюбимым делом. Разумное решение — перестать принуждать людей к труду. Жесткий государственный контроль над обеспечением безработных материальным минимумом должен гарантировать реализацию творческих начинаний каждого.

К сожалению, Россия сегодня двигается в противоположном направлении — в сторону притеснения безработных. Разрабатывается законопроект «о тунеядстве», по которому трудоспособные, но официально не работающие лица будут вынуждены оплачивать получение медицинской помощи [1]. Данный закон, если он будет принят, поставит прекариат в еще более уязвимое положение, что вызывает естественный протест. Вот характерная цитата с одного из интернет-ресурсов: «Кто любит работать руками — тот ремонтирует машины либо занимается отделкой квартир. Мужики, чтобы прокормить семью, идут таксистами, потому что другой работы нет! Им надо кормить семьи, платить ипотеку, одевать детей! Регистрироваться в качестве предпринимателя таким людям нет смысла — договор многие клиенты заключать не хотят (а в случае удаленного сотрудничества между странами это невозможно), они боятся поборов чиновников, беспредела со стороны проверяющих органов, бюрократии и т. д. Вместо того, чтобы упростить и без того нелегкую жизнь этим людям, как-то помочь легализовать и упростить их работу, государство хочет отправлять их на принудительные работы или подвергать оброку» [6].

Развитие «инфраструктуры материального минимума». Безуспешность проекта «Сколково» показывает: государству стоит сменить приоритеты. Попытка выстроить интеллектуальную экономику с помощью бюрократического аппарата обречена на провал, ибо бюрократия есть первый враг всякого свободного продуктивного творчества (сетевой экономики знаний). Государство может только способствовать росту «инновационной» экономики, поддерживая развитие университетов и вкладываясь в научные разработки.

Государство может реализовать себя в гораздо более значимом направлении — развитии *инфраструктуры материального минимума*. Единственная возможность разорвать порочный круг автоматизации производства, ведущий к росту богатства немногих и абсолютному обнищанию многих, — поставить сам указанный процесс на службу всему обществу. П. Мейсон указывает: «Стратегическая цель, светящаяся большими буквами в презентациях PowerPoint в переговорных комнатах всех компаний государственного сектора, должна была бы состоять в снижении расходов на базовые потребности, чтобы общее время общественно необходимого труда сократилось и чтобы можно было

производить больше бесплатных товаров» [13. С. 378]. Правда, Мейсон в основном говорит о строительстве, коммунальных услугах и здравоохранении. Мы же подчеркиваем необходимость нахождения в руках всего общества производства *всех жизненно необходимых* товаров потребления.

У такого подхода есть ряд преимуществ перед налоговым перераспределением как основным инструментом социальной политики.

Во-первых, автоматизация производства перестает быть потенциально опасной. Общество выигрывает, поскольку, чем технологичней производство «базовых» товаров, тем богаче каждый в стране. Следовательно, появляется больше мотивов *полностью автоматизировать* производство товаров. Для капиталиста это сродни потере всего, ибо его прибыль — паразитирование на труде наемных рабочих. Капиталисту выгодно, чтобы обычный товар стал сложнее, требовал дополнительных трудовых затрат, лишь бы раздуть символическую, пустую значимость продукта.

Во-вторых, это первый шаг в сторону избавления от денежного (товарного) фетишизма. Материальный минимум должен ассоциироваться с *непосредственными благами* для каждого нуждающегося. В условиях грядущих потрясений общество должно осознать: увеличение счетов в банке и показателей ВВП не является свидетельством роста *непосредственного богатства и личной состоятельности*.

В-третьих, общество при таком подходе получает больше контроля над тем, *чему* эти блага служат. Грубо говоря, оно может обеспечивать всех нуждающихся кровом, одеждой и едой, но не алкоголем или бесполезными товарами.

Разумеется, мы говорим о перспективе. В обозримом будущем без налогов как инструмента социальной политики не обойтись. К сожалению, российская экономика не обладает никакими стартовыми преимуществами: почти все необходимое мы вынуждены импортировать. Речь идет не просто об отсутствии какой-либо свободы общества от материальной нужды, но и о сомнительности реального суверенитета.

Необходимо дать возможность гражданам РФ получать второе высшее образование бесплатно. Непрерывное образование — часть изменившихся условий жизни. В будущем такое образование станет частью нашей *повседневной деятельности*. Экономический успех страны будет определяться человеческим капиталом, но этот капитал нельзя принудительно мобилизовать, поскольку творчество не знает твердой основы, оно непредсказуемо и неуловимо.

Сегодня в соответствии со статьей 5 ФЗ «Об образовании в РФ» гражданин вправе получить высшее образование на конкурсной основе, лишь если получает его впервые. Для реалий будущего это недопустимо. Выиграть сможет только общество, способное обеспечивать каждого *непрерывным, бесплатным и полноценным (очным) образованием*. Два, три и даже четыре диплома должны стать привычным делом, а получающий их человек — всесторонне развитой личностью, способ-

ной реализовывать самые разные проекты. Вместо этого правительство способствует разрушению высшего образования. Под предлогом сокращения численности абитуриентов (вследствие «демографической ямы» 1990-х гг.) целенаправленно ухудшается положение профессорско-преподавательского состава большинства российских вузов (увольнения, увеличение лекционной нагрузки под предлогом исполнения «майских указов» и т. п., обременительная и никому не нужная бумажная работа и т. п.), что наносит непоправимый вред образованию и науке.

К сожалению, российский бюрократический капитализм слишком близорук, чтобы осознать долгосрочные выгоды от чего-то, выбивающегося из ряда типичных решений в спектре либерально-консервативного консенсуса. Но для нас важно показать, что общество *можно* реформировать, а значит — необходима дискуссия на эту тему, в том числе в академической среде.

* * *

Мир находится в очередной точке бифуркации. Консерватизм любого рода окажется фатальным. Победителем же станет *наиболее смелое общество*, готовое к решительным переменам в самой сути социально-политической и экономической систем. Россия должна преодолеть комплекс неполноценности «сырьевого придатка». Его бремя может оказаться одновременно и возможностью, свободой от «головокружения от успехов», захватившего сознание западных исследователей и общественных деятелей. Необходимо дальнейшее изучение и обсуждение возможных путей развития России в новой общественно-политической реальности.

Литература

1. В «закон о тунеядстве» внесут платные медуслуги для неработающих // Известия. 2016. 28.09. — <http://izvestia.ru/news/634938#ixzz4Nbl4ziWE> (дата обращения: 20.10.2016).
2. Вкальвают роботы, луддиты ошибаются // Ведомости 2015. 10.06. — <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/06/10/595901-vkalivayut-roboti-ludditi-oshibayutsya> (дата обращения: 20.10.2016).
3. Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М. : ГУ-ВШЭ, 2010.
4. Давыдов Д. А. Безусловный доход: от «левых» ожиданий к «правому» воплощению // Свободная Мысль. 2016. № 2 (1656). С. 15—26.
5. Давыдов Д. А. Идеология умеренной рефлексии: публичный капитал как концепт // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2013. Т. 13. № 4. С. 119—132.
6. Закон о тунеядстве в России 2016: узаконенное рабство. — <http://novosti-online.info/907-zakon-o-tuneyadstve-v-rossii-2015-uzakonennoe-rabstvo.html> (дата обращения: 20.10.2016).
7. Зубаревич Н. «Рента за спокойствие». — <https://lenta.ru/articles/2015/04/15/zubarevich/> (дата обращения: 20.10.2016).
8. Котлер Ф. Конец капитализма? 14 антидотов от болезней рыночной экономики. М. : Гуманитарные науки и искусство, 2016.
9. Кризис на трудовом рынке России. — http://www.vacansia.ru/info/krizis_na_trudovom_rynke_rossii.html (дата обращения 20.10.2016).

10. **Кустарев А.** Конец света, или La Vita Nova // Неприкосновенный запас. 2015. № 4. — <http://www.nlobooks.ru/node/6475> (дата обращения: 20.10.2016).
11. **Мартынов В. С.** Глобальный модерн, постматериальные ценности и периферийный капитализм в России // Полис. Политические исследования. 2014. № 1. С. 83—98.
12. **Маяцкий М. А.** Освобождение от труда, безусловное пособие и глупая воля // Логос. 2015. № 3.
13. **Мейсон П.** Посткапитализм: путеводитель по нашему будущему. М. : Ад Маргинем Пресс, 2016.
14. Минувший июль стал самым жарким месяцем в истории Земли // Московский комсомолец. 2016. 16.08. — <http://www.mk.ru/science/2016/08/16/minuvshiy-iyul-stal-samym-zharkim-mesyacem-v-istorii-zemli.html> (дата обращения 20.10.2016).
15. Реальная безработица в США достигает 23%. Но официальная статистика об этом молчит. — <http://ktovkurse.com/mirovaya-ekonomika/realnaya-bezrabotica-v-ssha-dostigает-23-no-oficialnaya-statistika-ob-etom-molchit> (дата обращения: 20.10.2016).
16. **Ридди М.** Рациональный оптимист. М. : Эксмо, 2015.
17. Россия вложила в казначейские облигации США еще 19 млрд долларов // Московский комсомолец. 2016. 16.08. — <http://www.mk.ru/economics/2016/08/16/rossiya-vlozhila-v-kaznacheyskie-obligacii-ssha-eshhe-19-mlrd-dollarov.html> (дата обращения: 20.10.2016).
18. **Стэндинг Г.** Прекариат: Новый опасный класс. М. : Ад Маргинем, 2014.
19. **Фишман Л. Г.** Закат «общества труда»: современная идеологическая констелляция // Полития. 2016. № 3. С. 116—128.
20. Число граждан России, не имеющих работу, снижается. — <http://www.reporter.com.ua/uanews/0a5c-2408/> (дата обращения: 20.10.2016).
21. **Ford M.** Rise of the Robots. Technology and the Threat of a Jobless Future. N. Y. : Basic Books, 2015.
22. Gallup: реальная безработица в России в 3 раза выше официальной. — http://slon.ru/economics/bezrobotits_po_gellapu-807653.xhtml (дата обращения: 20.10.2016).
23. **Rifkin J.** The End of Work: The Decline of the Global Labor Force and the Dawn of the Post-Market Era. N. Y. : Putnam Publishing Group, 1995. ◆